

Гузеев Жамал Магомедович

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ КОНВЕРСИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Одни исследователи тюркских языков считают, что при конверсии новые слова не образуются, что она является лишь функциональным явлением. По мнению других тюркологов, новые слова при конверсии образовывались лишь в древнюю эпоху, но довольно редко. Существует и такое мнение, согласно которому в тюркских языках имеются слова с комплексным значением разных частей речи, типа существительно-прилагательно-наречие, глагол-существительное и др. Статья посвящена обоснованию несостоятельности подобных мнений и доказательству словообразовательной сущности конверсии в тюркских языках во все времена.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 85-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.142

Одни исследователи тюркских языков считают, что при конверсии новые слова не образуются, что она является лишь функциональным явлением. По мнению других тюркологов, новые слова при конверсии образовывались лишь в древнюю эпоху, но довольно редко. Существует и такое мнение, согласно которому в тюркских языках имеются слова с комплексным значением разных частей речи, типа существительно-прилагательно-наречие, глагол-существительное и др. Статья посвящена обоснованию несостоятельности подобных мнений и доказательству словообразовательной сущности конверсии в тюркских языках во все времена.

Ключевые слова и фразы: лексикализация; этимология; недифференцированность; конвертированное слово; полифункциональное слово; способы словообразования; слабая дифференцированность; глагольно-именная омонимия; полисемантическое слово; грамматический синкретизм; теория синкретизма.

Гузев Жамал Магомедович, д. филол. н., профессор
Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик
kaitaeva07@mail.ru

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ КОНВЕРСИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Словообразовательную сущность конверсии тюркологи истолковывают по-разному. Так, одни считают конверсию остаточным явлением, характерным для древнейших эпох развития тюркских языков. По их мнению, конверсия хотя и являлась способом словообразования, количество омонимов, возникших по этой модели, становится все меньше [2, с. 162-178; 12, с. 85; 17, с. 359-447; 18, с. 39].

Такие тюркологи, как Н. К. Дмитриев [9], А. Н. Кононов [14] и др., в конверсии видели функциональное явление, которое не затрагивает исконной принадлежности слова к той или иной части речи, а также его тождества. Так, слова типа *ахиш* «хороший» и «хорошо», *аман* «плохой» и «плохо» являются только прилагательными, считали они, так как первоначально эти слова были именно прилагательными, в роли же наречия они стали употребляться позже [9, с. 81; 14, с. 146].

Устойчивое использование прилагательного в позиции перед глаголом в качестве наречия эти тюркологи квалифицировали как одну из его синтаксических функций, т.е. функцию приглагольного определения, и считали, что в данной позиции могут быть использованы любые прилагательные в тюркских языках [14, с. 146]. Однако вряд ли можно согласиться с таким мнением, если учесть, что большинство прилагательных в тюркских языках «выражает признак или свойство в соответствии исключительно с предметом или лицом...» [25, с. 232]. Таковы, например, в карачаево-балкарском языке прилагательные, обозначающие свойство лиц и предметов (*ач* «голодный» [19, с. 254], *акьсакь* «хромой» [Там же, с. 102], *узун* «длинный» [21, с. 678], *бийик* «высокий» [19, с. 420], *кьалын* «густой» [20, с. 529] и т.п.), цвет (*акь* «белый» [19, с. 96], *боз* «серый» [Там же, с. 458], *кьызыл* «красный» [20, с. 752], *мор* «коричневый» [Там же, с. 914] и т.п.). В указанной позиции не могут употребляться прилагательные, выражающие временные признаки (*кечеги* «ночной» [Там же, с. 240], *кьышхы* «зимний» [Там же, с. 808] и т.п.), положение лица и его наклонности (*жукьучу* «сонливый» [19, с. 936], *сёзчу* «болтливый» [21, с. 140], *кюлкючу* «смешной» [20, с. 416] и т.п.), множество или изобилие (*этли* «мясистый», «полный» [21, с. 1120], *сютлю* «молочный» [Там же, с. 306], *суулу* «сочный» [Там же, с. 233]), наличие или отсутствие предмета или признака (*жаулу* «жирный» [19, с. 853], *кьарылу* «сильный» [20, с. 596], *ишсиз* «безработный» [Там же, с. 149], *кючсюз* «слабый» [Там же, с. 447] и т.п.) и другие. В данной позиции, в позиции приглагольного определения, употребляется незначительная часть прилагательных, выражающих качества и свойства людей и предметов, типа карачаево-балкарских *акьыллы* «умный» [19, с. 107], *ачьулу* «злой, сердитый» [Там же, с. 271], *уллу* «большой» [21, с. 683], *бай* «богатый» [19, с. 309], *жарлы* «бедный» [Там же, с. 835], *аман* «плохой» [Там же, с. 146] и т.п.

Следовательно, в тюркских языках лишь незначительная часть прилагательных при сохранении внешней формы может использоваться одновременно как наречия и существительные, незначительная часть существительных – как наречия, незначительная часть глаголов – как существительные и прилагательные.

Опираясь на такие единичные факты употребления одной части речи в значении другой, ряд тюркологов долгое время считали, что в тюркских языках прилагательные, существительные и наречия слабо дифференцированы [2, с. 204].

В оценке полифункциональных слов некоторые исследователи пошли еще дальше. Так, Н. А. Баскаков в своих более поздних исследованиях считает существительные, прилагательные и наречия не только слабо-дифференцированными частями речи по значению, но и разновидностями одной и той же части речи. Исходя из учета только двоякофункционирующих слов, он приходит к выводу, что в карачаево-балкарском языке «имена существительные, прилагательные и наречия по существу представляют собой модификации одной и той же части речи по функциональному признаку» [3, с. 107].

Указанные взгляды тюркологов на полифункциональные слова – слабая дифференцированность, а затем и недифференцированность – породили новое мнение, согласно которому в тюркских языках имеются

слова с комплексным, слитным значением разных частей речи, типа «прилагательное – существительное – наречие», «прилагательное – наречие» и т.п. [4, с. 3, 32; 9, с. 27, 81; 11, с. 79-81; 13, с. 51-57; 22, с. 21; 23, с. 128-130, 193-198].

Таким образом, и тех тюркологов, кто считал конверсию остаточным явлением, и тех, кто считал функциональным явлением, объединяет одно: категориальная принадлежность полифункциональных слов определяется ими только по их этимологии, а устойчивые функции, лексические значения и морфологические свойства их в счет не берутся.

Однако, по мнению А. А. Юлдашева, более сведущего специалиста по исследуемой проблеме, исходя из этимологического тождества слова, «задача практически может быть разрешена лишь применительно к части полифункциональных слов, поддающихся этимологизации, и то крайне условно (одно дело – этимология, другое – современная природа слова)» [25, с. 234].

Сложность проблемы конверсии породила противоречивые мнения. Так, Ф. А. Ганиев считает, что конверсия в татарском языке является «одним из оригинальных способов словообразования, обогащающих его», что «при конверсии слово полностью переходит в другой лексико-грамматический класс» [6, с. 26, 28]. В то же время он считает, что «при конверсии... не образуются два омонимичных слова...» [Там же, с. 30]. А. Г. Гулямов также убежден, что конверсия – один из очень продуктивных способов словообразования в узбекском языке, но, по его мнению, лексикализация слова при конверсии – редкое явление [8, с. 3-9].

После появления специальных исследований по конверсии в германских и романских языках часть тюркологов стала допускать, что при конверсии в единичных случаях возможно образование слов-омонимов. Эти случаи следующие: когда прилагательное превращается в название предмета [10, с. 143-144] и когда между производными и исходными значениями или функциями слова нет ощутимой связи [8, с. 3-8].

Убедившись в несостоятельности теории синкретизма, некоторые лингвисты стали пересматривать свои взгляды и глагольно-именные омонимы признавать как результат конверсии [15, с. 82; 17, с. 427; 18, с. 40].

Появляются отдельные статьи, посвященные конверсии в тюркских языках [1, с. 23; 5, с. 5-7; 16, с. 141-142; 24, с. 70]. Данной проблеме посвящаются разделы монографических исследований по теории тюркской лексикографии [7, с. 49-86; 25, с. 230-265]. В этих трудах конверсия рассматривается как особый способ словообразования, при котором слова одной части речи переходят в другую (или другие), не претерпевая при этом каких-либо изменений во внешней форме.

В доказательство того, что конверсия и не остаточное (исчезающее) явление, и не функциональное явление, и не грамматический синкретизм, а способ словообразования, можно привести следующие доводы.

1. В каждом из тюркских языков количество глагольно-именных односложных корней-основ с неясной этимологией колеблется от 30 до 70 (например, в карачаево-балкарском – 30, казахском – 70). Однако в настоящее время в каждом языке насчитываются сотни слов, образованных путем конверсии. Так, в исследуемом языке их, по нашим данным, – свыше 300, а во всех тюркских языках – около 500 [12, с. 88]. Следовательно, конверсия не исчезает, а наоборот, расширяется.

2. Среди омонимичных пар, образованных по конверсии, необъяснимыми, а потому и квалифицируемыми рядом ученых случайными являются лишь некоторые. Абсолютное же большинство из них образуется сознательно, по современным нормам языка, по определенным образцам, сложившимся в некую словообразовательную модель.

3. Как и другие способы словообразования, конверсия в разных языках имеет различный состав.

4. Конвертироваться из одной части речи в другую могут не все слова, а лишь строго определенные их разряды. Например, в исследуемом языке в существительные и наречия конвертируется незначительная часть прилагательных, причем только качественных, и лишь отдельные глаголы, в наречия и прилагательные – тоже всего несколько глаголов и прилагательных.

Факты говорят о том, что ни в одном тюркском языке ни одна часть речи не может конвертироваться в другую часть речи не только полностью, но и сколько-нибудь широко.

Более убедительными фактами распада полисемантических слов на омонимы являются, на наш взгляд, следующие.

1. Смысловое расхождение между исходным и конвертированным словами. Например: *кар.-балк. женгил* «легкий» [19, с. 877] и *женгил* «легко, быстро» [Там же, с. 878]; *байша* «иной, другой» [Там же, с. 375] и *байша* «отдельно, раздельно, порознь» [Там же].

Исследуя конверсию в карачаево-балкарском языке, можно заметить, что многозначное слово, как правило, не переходит из одной части речи в другую во всех своих лексических значениях; ср.: *жууукъ* 1) «близкий, находящийся неподалеку»; 2) «близкий, ближайший (о времени)»; 3) *перен.* «тесно связанный с кем-чем» [Там же, с. 960] и *жууукъ* «близко» [Там же]; *бай* 1) «богатый, зажиточный»; 2) «богатый (*напр.* урожай), щедрый дарами»; 3) *перен.* «содержащий ценные качества»; 4) *перен.* «разнообразный» [Там же, с. 309] и *бай* «богато, зажиточно, состоятельно» [Там же, с. 310].

2. Лексикализация отдельных грамматических форм исходного или конвертированного слова: *узакъ* «далекий» [21, с. 674], *узакъда* «вдали, далеко» [Там же, с. 675], *узакъгъа* «вдаль, далеко» [Там же], *узакъдан* «издали, издалека» [Там же] – *узакъ* «далеко» [Там же]; *бош* «пустой, порожний», «свободный, не занятый», «пустяковый, ничтожный, напрасный» [19, с. 486] и *бош* «напрасно, зря», «даром, бесплатно», «слабо, не туго» [Там же, с. 487] > *бошдан*, *бошха*, *бошуна* «зря, напрасно» [Там же, с. 493] и т.п.

3. Последующая конверсия конвертированного слова: *жарлы* «бедный» – *жарлы* «бедно» > *жарлы* «бедняк» [Там же, с. 835-836]; *кьюру* «высыхать» – *кьюру* «пустой» > *кьюру* «постоянно, всегда» – *кьюру* «только, всего, один» [20, с. 711-713] и т.п.

То, что конверсия в тюркских языках не случайное явление, а явно осознанный, организованный процесс, подтверждает и трансформация довольно большого количества названия лиц по свойству. Это можно показать на материале карачаево-балкарского языка: *батыр* «храбрый» и «храбрец», *жигит* «смелый, храбрый» и «смельчак, храбрец» и т.п. «Подобные слова в каждом из своих грамматических значений воссоздаются и воспринимаются как разные слова, отличающиеся друг от друга своей парадигмой, лексически, а также грамматически регламентированными связями» [25, с. 259].

Рассмотренные выше факторы свидетельствуют о словообразовательной сущности конверсии в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском.

Список источников

1. Ахундов А. Азербайжан дилинде конверсија // Азербайжан дили ве эдебијати тедриси. Баку: Азернэшр, 1977. № 1. С. 23-38.
2. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык: в 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. II. Фонетика и морфология. Ч. I. Части речи и словообразование. 544 с.
3. Баскаков Н. А. Морфология. Общие вводные замечания // Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис / под ред. Н. А. Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 106-116.
4. Батманов И. А. Части речи в киргизском языке. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1936. 48 с.
5. Беглярова С. А. Адвербиализация в современном азербайджанском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Баку, 1979. 19 с.
6. Ганиев Ф. А. Конверсия в татарском языке. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 190 с.
7. Гузеев Ж. М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 194 с.
8. Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. 1. Аффикация. Ч. 1. Словообразующие аффиксы имен: автореф. дисс. ... д. филол. н. Ташкент, 1955. 50 с.
9. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
10. Исхаков Ф. Г. Гармония гласных в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: в 4-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. Фонетика. С. 122-159.
11. Кажибекоев Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма). Алма-Ата: Наука, 1986. 272 с.
12. Кайдаров А. Т. Некоторые аспекты синкретизма первичных основ в тюркских языках // Проблемы современной тюркологии: материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 85-93.
13. Кайдаров А. Т. О критериях определения синкретических слов в тюркских языках // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая. 1977. № 3. С. 51-57.
14. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. – Л.: Наука, 1960. 446 с.
15. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л.: Наука, 1980. 225 с.
16. Павлов И. П. Словообразование по конверсии в современном чувашском языке // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976. С. 141-142.
17. Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 643 с.
18. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские корни на гласные): в 4-х т. М.: Наука, 1974. Т. 1. 767 с.
19. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 1996. Т. I. А-Ж. 1016 с.
20. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 2002. Т. II. З-Р. 1168 с.
21. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 2005. Т. III. С-Я. 1160 с.
22. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л.: Наука, 1977. 190 с.
23. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 201 с.
24. Юлдашев А. А. Конверсия в тюркских языках и ее отражение в словарях // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 70-81.
25. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972. 416 с.

ON WORD-FORMATIVE ESSENCE OF CONVERSION IN THE TURKIC LANGUAGES (BY THE MATERIAL OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE)

Guzeev Zhamal Magomedovich, Doctor in Philology, Professor
Institute for Humanities Research (Branch)

of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
kaitaeva07@mail.ru

Some researchers of the Turkic languages believe that during the conversion new words are not formed, that it is only a functional phenomenon. According to other specialists in Turkic philology, new words were formed during conversion only in the ancient era, but it happened quite rarely. There is also an opinion according to which in the Turkic languages there are words with a complex meaning of different parts of speech, such as noun-adjective-adverb, verb-noun, and so on. The article is devoted to the substantiation of the inconsistency of such opinions and to the proof of the word-formative essence of conversion in the Turkic languages at all times.

Key words and phrases: lexicalization; etymology; non-differentiation; converted word; polyfunctional word; methods of word formation; weak differentiation; verbal-nominal homonymy; polysemantic word; grammatical syncretism; theory of syncretism.